

труда поднялись по нему на воздух, и глазам моим предстали Плеяды и Большая Медведица.

XLVII. Я был теперь в недоумении, куда держать путь, чтобы найти свое тело, но несясь по воздуху, словно гонимый дуновением ветра, пока не достиг берега реки и не узнал гостиницу, где оставался мой труп. Здесь, на берегу Гебра, провожатый покинул меня, и я сквозь отверстие в крыше, куда уходит дым очага, проник в дом. Прикинув к своему телу, я вновь вошел в него через ноздри и рот. Оно совершенно застыло от стужи и было охвачено оцепенением смерти, так что этой ночью мне грозила опасность замерзнуть. На утро, быстро собрав свои вещи, я отправился в Византий.

И вот, целый и невредимый, милый Кидион, я рассказываю тебе свои приключения. А ты окажи мне услугу — найди еще не погребенных покойников, которым можно было бы отдать заказанные мне Феодором лакомства, чтобы таким образом переправить их моему учителю. Пусть только это не будут порядочные люди, привыкшие к чистоте и опрятности, которым такое поручение, вероятно, будет противно, а какие-нибудь грязные пафлагонцы с базара, почтущие за честь для себя спуститься в аид с куском свинины подмышкой. Однако, уже время спать. Давай, мой друг, распрощаемся и отправимся по домам.

ГЕОРГИЙ ГЕМИСТ ПЛИФОН. РЕЧИ О РЕФОРМАХ

(Перевод и предисловие Б. Т. Горянова)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди византийских писателей, историков и философов последнего века существования империи особое место занимает Георгий Гемист Плифон, перевод двух речей которого мы публикуем в этом томе „Византийского Временника“.

Биографические сведения о Плифоне крайне скудны. Мы не знаем точно ни года его рождения, ни года смерти. Известно лишь, что он только на несколько лет пережил падение Константинополя. Однако, исходя из встречающегося у Георгия Трапезунтского указания, что Плифон жил почти сто лет, дату его рождения относят обычно к 1355 г.¹ Известно, что в юности ему пришлось провести несколько лет в турецком плену в Адрианополе, обращенном в это время в резиденцию султана.

В дальнейшем Плифон переехал в Мистру, где усиленно занимался литературой и философией. В это время им были написаны некоторые трактаты на религиозные темы, исторические, географические и астрономические произведения. Наиболее известным из этих ранних произведений Плифона является его „История Греции после битвы при Мантинее“. К 1415 г. относятся его докладные записки императору Мануилу II Палеологу (1391—1425) и его сыну деспоту Феодору Палеологу Младшему о положении в Пелопоннесе, в которых намечен широкий план социально-политических реформ, имевших целью спасение империи.

Когда император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448) в начале своего царствования прибыл в Морею, он советовался с Плифоном о важном

¹ C. Alexandre in; Pléthon. Traité des lois, Paris, 1855, p. XL, n. 2.

политическом деле того времени — о церковной унии. Как это видно из письма Георгия Схолария к экзарху Иосифу, к этому времени была уже закончена основная работа Плифона о законах.¹ В 1437 г. он был назначен сопровождать императора Иоанна VIII Палеолога на Флорентийский собор, где решался вопрос о церковной унии. На соборе Плифон был включен в избранную из греков комиссию шести, которая должна была подготавливать материалы для диспутов. Свое пребывание во Флоренции Плифон широко использовал для установления связей с деятелями литературы, науки и искусства. Там он познакомился с Космой Медичи и в частных беседах разъяснял ему основные положения платоновской философии, тогда еще не известной в Италии. По просьбе многих лиц, в том числе и самого Медичи, Плифон составил тогда свой небольшой трактат о различии между аристотелевской и платоновской философией — „περί ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρειται“.² Этот трактат вызвал новую вспышку борьбы между аристотелизмом и платонизмом.

После собора Плифон вернулся в Пелопоннес, где занял в Мистре судейскую должность. Обязанности судьи он исполнял до конца своих дней. Год смерти Плифона, как выше сказано, точно не установлен. На основании ряда соображений издатель текста произведения Плифона о законах К. Александр относит его кончину ко времени между 1450 и 1456 гг. Один из почитателей Плифона Малатеста в 1475 г. извлек его останки из могилы в Мистре и перенес их в Римини.³

Важнейшее произведение Плифона — это трактат „Законы“ (Νόμοι), где он изложил свои религиозно-философские и политические взгляды. Против идей Плифона, отраженных в этом произведении, выступил Георгий Схоларий, будущий патриарх Геннадий. Геннадий говорил впоследствии, что он вступил в эту борьбу скорее ради защиты религии, чем из любви к Аристотелю.⁴ В письме к экзарху Иосифу Геннадий рассказывает, что после смерти Плифона его книга попала в руки правителей Пелопоннеса, которые и передали ее Геннадию. Сперва он хотел сохранить те главы, которые касались физики, логики и т. п., но, прочтя книгу заново, он пришел к убеждению, что ни одна часть этого сочинения не должна избежать цензуры, так как все оно пронизано язычеством, и греховность сквозит в каждом слове.⁵ Признанный языческим, труд Плифона был сожжен, за исключением нескольких листов, сохраненных в качестве вещественных доказательств.

Письмо Геннадия к экзарху Иосифу носило официальный характер. Это видно из того, что оно кончается предписанием всем, кому попадет в руки книга Плифона, сжечь ее; те же, кто ее спрячет, будут подвергнуты отлучению от церкви.⁶

Во вступлении к этому сочинению Плифон говорит, что эта книга трактует „О законах и о лучшем государственном устройстве, о котором думали люди и к которому и порознь, и сообща (καὶ ἰδίᾳ καὶ κοινῇ) стремились, добиваясь, чтобы человечество могло вести, насколько это возможно, прекраснейшую, счастливейшую жизнь“.⁷ Однако как раз те листы трактата, которые касаются устройства идеального

¹ С. Alexandre. Ук. соч., стр. 412—413.

² Изд. J. P. Migne. Patrologia graeca, t. CLX, col. 889—934.

³ С. Alexandre. Ук. соч., стр. LXXXVIII.

⁴ Письмо Геннадия к Марку Эфесскому. С. Alexandre. Ук. соч., стр. 288—291.

⁵ С. Alexandre. Ук. соч., стр. 438.

⁶ Там же, стр. 440.

⁷ Там же, стр. 16.

государства, стали жертвой огня. Но мысли Плифона о государственном устройстве, к счастью, сохранились в двух его речах о положении в Пелопоннесе. Эти речи Плифона являются одним из ценнейших памятников по истории социально-политических идей в Византии XV в.

Мысль о необходимости широких реформ государственного и общественного устройства родилась у Плифона в условиях тяжелой внешне-политической обстановки начала XV в., когда самое существование Византийской империи было поставлено под угрозу.¹ В письме к Мануилу II Палеологу² Плифон прямо называл политику императора в Пелопоннесе неправильной, утверждая, что она не только не способна использовать внешние средства для защиты от турок, но и игнорирует необходимость укрепить государство посредством прочной внутренней организации. Предваряя то, о чем он впоследствии будет говорить в речах о положении в Пелопоннесе, Плифон указывал в письме, что в первую очередь должно быть создано народное войско. В 1415 г. император прибыл в Пелопоннес.³ Все население полуострова было привлечено к строительным работам для укрепления перешейка.⁴

В это время как раз и была написана речь Плифона к императору Мануилу, которая начинается пространными рассуждениями о значении Пелопоннеса; автор называет его важнейшей областью Византийской империи. По мнению Плифона, пелопоннесское население является древнейшим и самым чистым типом греческого народа. Плифон доходит до утверждения, что „с того времени, как помнят люди, эту страну населяли только греки, и никакие другие народы здесь никогда не жили“. По его словам, даже „пришельцы, временно завладевшие этими местами, ... ничего не изменили, так как греки постоянно владели этой страной и никогда ее не покидали“ (гл. 2). Далее Плифон излагает преимущества географического положения Пелопоннеса. По своей естественной безопасности, — говорит Плифон, — „ни одна страна не может иметь лучшие условия“, предоставляя „населяющим ее возможности, не имея больших вооружений, отражать всякие вторжения... Через всю страну тянутся сплошные горные цепи, подобные естественным крепостям, вследствие чего враги, даже если бы им удалось захватить [находящиеся внутри] равнины, не могли бы овладеть всей страной“ (гл. 4). Эти особенности истории и географии Пелопоннеса должны были доказать Палеологам необходимость обратить особое внимание на его устройство (гл. 5).

Нечего и говорить, что рассуждения о неизменности этнографического состава населения Пелопоннеса лишены всяких оснований. Если современная наука и не принимает положения И. Ф. Фальмерайера о полной славянизации Пелопоннеса и исчезновении там греческого

¹ Cp. F. Schultze. *Geschichte der Philosophie der Renaissance*. Bd. I. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen, Jena, 1874, S. 39.

² Там же, стр. 41. Это письмо напечатано впервые у J. Müller. *Byzantinische Analekten. Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse d. Akad. d. Wiss.*, Wien, Bd. IX, 1852, S. 400 ff.

³ G. Phrantzes, ed. I. Bekker, Bonn, 1838, p. 96; I, 35, p. 107.

⁴ Об укреплении императором Мануилом Коринфского перешейка Дука совсем не упоминает, а Халкокондил сообщает лишь очень кратко (Chalcocondyles, *res.* I. Bekker, Bonn, 1843, p. 183 sq., cf. p. 216). Гораздо подробнее известие Франдзи в первой книге, где он рассказывает, что император через 26 дней после своего прибытия в гавань Кенхреа, именно 8 апреля 1415 г., приказал очистить перешеек и на всем протяжении от одного моря к другому возвести стены с 153 укреплениями на известном расстоянии друг от друга (G. Phrantzes. I, 33, ed. Bonn).

населения, то во всяком случае нет никакого сомнения в том, что в VI—VIII вв. славяне заселили почти всю Грецию, в том числе Пелопоннес.¹ Славяне оказали глубокое влияние на формы общественного устройства Византийской империи. Сейчас излишне повторять прочно вошедшие в науку положения о том, что славяне своим общинно-родовым строем „омолодили“ Византию, ускорили процесс ее феодализации, внесли в ее жизнь важные изменения. Плифон в своих построениях исходил из представлений о неизменном и стабильном общественном строе пелопоннесских греков, которые, по его мнению, к XV в. оставались такими же, какими они были в классическую эпоху античной Греции. Нужно вообще заметить, что идеализация классической древности заходит у Плифона так далеко, что он в своих речах о проектах социально-политических реформ не упоминает ни одним словом о тысячелетней истории Византийской империи.² Для Плифона, например, враждебные действия турок, угрожавших существованию империи, являются лишь формой мести за покорение их далеких предков, которых он называет паропамисадами, живших на территории Афганистана и завоеванных Александром Македонским на его пути в Индию.³

Свое обращение к императору Мануилу II Плифон писал, когда турки-османы, самые жестокие ассимиляторы, калечившие сотни лет балканские народы,⁴ прочно укрепились на Балканском полуострове и все теснее сжимали кольцо вокруг Византийской империи. Поэтому одно из первых мест в предложениях Плифона по переустройству общества и государства занимают проекты реформ, относящихся к преобразованию военного устройства Византии.

На протяжении многих веков система стратиотских участков являлась основой обороноспособности империи. Однако уже при Комнинах сделаны были большие шаги в сторону вытеснения стратиотского войска наемниками. К концу XIII—началу XIV в. система воинских участков была почти полностью разрушена. Смертельный удар этой системе нанесло полувековое господство латинских феодалов. Несмотря на некоторые меры, принимаемые византийским правительством для восстановления и укрепления стратиотских участков, эта система в эпоху Палеологов терпит окончательное крушение. Однако память о ней была жива в умах передовых людей Византии. Понятно поэтому враждебное отношение к распространению системы наемных войск, которое мы встречаем у Плифона. В обращении к императору Мануилу Плифон (гл. 9) упоминает о проекте нового налога с целью содержания армии наемников для охраны истмийских крепостей. Мы не знаем,

¹ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945, стр. 137 сл.

По вопросу об оценке трудов Фалльмерайера см. А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. „Вестник Древней истории“, 1 (6), М., 1939, стр. 294. См. также перечень источников и использованной литературы в статье Б. Т. Горянова. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. Там же, стр. 308—318; оценка трудов В. Г. Васильевского по этому же вопросу дана в труде акад. Б. Д. Грекова. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. Там же, стр. 338—351. См. также вступительную статью Н. В. Пигуловской к „Сборнику документов по социально-экономической истории Византии“, М., 1951, а также вступительные статьи к разделам этого же сборника Н. В. Пигуловской, Е. Э. Липшиц, М. В. Левченко и Б. Т. Горянова.

² J. Ph. Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters, II. Theil, Stuttgart u. Tübingen, 1836, S. 313—314.

³ Речь к деспоту Феодору, гл. 2.

⁴ См. И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

о каком проекте идет речь, так как другие источники не сохранили об этом никаких сведений. Плифон выражает резко отрицательное отношение к этому проекту, говоря, что ему кажутся смешными попытки спастись от внешней опасности путем найма чужеземных войск. По его мнению, бо́льшая, основная часть армии должна состоять из местных уроженцев, а не из чужеземцев, так как последние из спасителей и стражей часто превращаются в противников.¹ Наемники не смогут отразить опасности, и тогда правительству снова придется обратиться к местным жителям, обремененным одновременно и военной службой и налогами и поэтому совершенно разоренным и не имеющим уже возможности вооружиться на свои средства.²

Предложения Плифона о военном устройстве тесно связаны с его планами реформ в области налогового обложения, о чем мы будем говорить ниже. В речи к деспоту Феодору Плифон предлагает (гл. 23) все население разделить на два разряда — на облагаемых налогами и на обязанных военной службой, в зависимости от того, к какому занятию люди имеют бо́льшую склонность. Человек не может, — говорит в другом месте Плифон, — в одно и то же время нести военную службу и питать себя и других. Ведь войско не всегда имеет добычу, достаточную для всех воинов, вследствие чего им приходится тратить многое, взятое из дому, а это могло бы быть использовано государством.³

Поэтому Плифон предлагает, чтобы воины были совсем освобождены от налогового обложения.⁴ Граждане, обремененные налогами и обязанные, кроме этого, военной службой, в случаях призыва уклоняются от несения службы, а из являющихся, — говорит Плифон, — большинство приходит невооруженными.⁵ Те, кто остается в войсках, — продолжает он, — заняты мыслями о хозяйстве и о необходимости уплаты налогов. Поэтому, учитывая серьезность внешнеполитической опасности, нужно заранее заняться решительными преобразованиями, ибо нельзя проводить их тогда, когда беда уже разразилась.⁶

В тех областях, где не все граждане способны нести военную службу, по мнению Плифона, следовало разделить население на две группы — воинов, свободных от налогов, и илотов, обязанных уплатой податей. В других областях, где большинство населения окажется способным к военной службе, его следует разделить на две группы уже по другому принципу. Здесь эти группы должны были чередоваться, т. е. по очереди то работать на земле, то нести военную службу. Таким образом, между ними будет возможно распределить и заботу о своем хозяйстве, и охрану государства.⁷

Плифон стоит на вполне реальной почве, когда он предлагает заботиться главным образом о сухопутных войсках.⁸ Действительно, давно уже прошли времена, когда Византия, имея мощный флот, могла соперничать с другими государствами в борьбе за господство на море. Сейчас, говорит Плифон в обращении к деспоту Пелопоннеса Феодору, речь идет об империи, которая потеряла почти все свои владения и сохранила лишь два города во Фракии, часть Пелопоннеса и, кроме

¹ Речь к деспоту Феодору, гл. 10.

² Речь к императору Мануилу, гл. 10.

³ Там же, гл. 8.

⁴ Там же, гл. 11.

⁵ Там же, гл. 7.

⁶ Там же, гл. 8.

⁷ Там же, гл. 14.

⁸ Там же, гл. 11.

того, „то там, то здесь какой-нибудь островок“.¹ Понятным поэтому становится предложение Плифона сосредоточить внимание на создании сухопутной армии, способной к борьбе против врагов, угрожавших империи. Каждому пешему воину Плифон советует дать одного илота, всаднику — двух. Следовательно, каждый воин будет пользоваться плодами хозяйства илота, защищая в свою очередь земли и скот крестьян.

Какова же сущность реформ Плифона? Прежде чем выяснить это, необходимо сделать одно общее замечание. Плифон был ученым мечтателем,² который верил в могущество инициативы мудрого правителя, способного проникнуться сознанием необходимости переустройства социально-политических отношений и провести в жизнь выдвинутый философом план реформ. Эта надежда на мудрого правителя наиболее ярко выражена Плифоном в конце его речи к императору Мануилу. Теперь, — говорит Плифон, — все зависит от высочайшего решения императора. Если император примет это мудрое решение, то оно будет проведено в жизнь.³ Эту же мысль Плифон проводит и в своем обращении к деспоту Пелопоннеса Феодору. „Если бы тебе, нашему правителю, — говорит Плифон, — ... бог внушил желание провести в жизнь великое и прекрасное, ... то было бы не трудно осуществить все это, и наше спасение не было бы безнадежным... Если бы ты пожелал провести в жизнь нечто великое и прекрасное, то ты не легко нашел бы что-нибудь более великое и прекрасное чем спасение народа и укрепление государства. Это укрепление не может состоять не в чем ином, как во введении надлежащего государственного устройства“.⁴

Реформам государственного устройства Плифон придает большое значение, считая их основным условием для поднятия благосостояния населения и процветания страны. Это свое убеждение он подкрепляет многими примерами из истории древней Греции и Рима. Плифон напоминает, что лакедемоняне лишь тогда получили гегемонию над греками, когда Ликург установил у них образцовое законодательство. Причину же поражения лакедемонян и утери ими гегемонии он видит в их отходе от установленного Ликургом государственного устройства. Возвышение Рима он также объясняет его образцовым государственным устройством, а его ослабление — ухудшением форм государственности. Приводя ряд других примеров (возвышение арабов, славян), он делает общий вывод, что народы находятся в хорошем или плохом положении в зависимости от хорошего или плохого государственного устройства. Поэтому, — говорит он, — нет никаких других средств и путей для того, чтобы из теперешнего тяжелого положения притти к лучшему, кроме преобразования государственного устройства.

В разработанной Плифоном системе государственного устройства мы находим многие элементы, почерпнутые им из арсенала идей платоновской „Политии“. Деление общества на разряды, предложенное Плифоном, весьма напоминает соответствующие идеи „Политии“ Платона.⁵ К первому разряду Плифон относит тех, кто сам работает, — непосредственных производителей. Второй разряд — это люди, предоставляющие работникам τέλη, т. е. инвентарь и скот, — иначе говоря, —

¹ Речь к деспоту Феодору, гл. 20.

² Ср. J. Ph. Fallmerayer. Ук. соч., стр. 317.

³ Речь к императору Мануилу, гл. 25.

⁴ Речь к деспоту Феодору, гл. 21.

⁵ H. F. Tozer. A Byzantine Reformer. „The Journal of Hellenic Studies“, VII (1886), p. 370.

средства производства. Третий разряд состоит из людей, обеспечивающих всем гражданам безопасность и защиту.¹ В речи к деспоту Феодору (гл. 8) Плифон уточняет предлагаемое им деление на разряды. Первым, самым необходимым и наиболее многочисленным разрядом (πρῶτον μὲν καὶ ἀναγκαϊώτατον μέρος καὶ γένος καὶ πλείστον) являются производители (τὸ αὐτοργικόν), т. е. земледельцы, скотоводы и все те, кто собственными трудами добывают плоды земли (ἐκ γῆς πορίζομένων καρπῶς). Ко второму разряду Плифон относит ремесленников и купцов. Ремесленники доставляют производителям предметы, необходимые им в их повседневной жизни. Купцы посредством обмена устраняют несоответствие в распределении необходимых населению товаров, вывозя их из областей, где имеются излишки, в области, где ощущается их недостаток. Сюда же относятся и мелкие торговцы (καπηλῆαι), в отличие от крупных купцов (ἐμποροί), перепродающие непосредственно отдельным потребителям сельскохозяйственные продукты и предметы ремесленного производства. Кроме этих двух разрядов имеется еще особая группа правителей (τὸ ἀρχικὸν φύλον), в функции которых входит охрана всего государства. В состав этого разряда входят местные правители, судьи, другие чиновники и воины, возглавляемые императором.

Плифон требует резкого разделения функций людей, относящихся к различным разрядам общества. Владельцы, ремесленники, купцы — все они должны были выполнять лишь свои функции, не вмешиваясь в чужие дела. Особенно подробно он останавливается на „правителях“, которым, по его мнению, должно быть чуждо все, что не связано с управлением. Как крупная, так и мелкая торговля должны быть совершенно запрещены лицам, входящим в их число. И воины должны быть отделены от остального народа, как и вообще охраняющие от охраняемых.² Когда кто-нибудь из торговцев привлекается к управлению, то он, если только окажется способным, должен целиком отказаться от торговли, в противном случае его следует освободить от обязанностей государственного служащего.³ Доказывая необходимость подобного разграничения функций, Плифон прибегает к образному сравнению: „Ведь мы не пользуемся ослами для работы, исполняемой благородными конями, как и благородными конями для работы ослов. Я думаю, что и не всеми лошадьми мы пользуемся для одной и той же цели, но некоторыми пользуемся для военных целей, некоторыми же — для перевозки тяжестей. Гораздо важнее и среди людей произвести подобное разделение, а не смешивать их“.

Разделение функций отдельных классов населения, которое мы встречаем в схеме Плифона, получает дальнейшее развитие в предлагаемой им налоговой системе. Все виды налогов Плифон разделяет на три группы.⁴ К первой группе он относит государственные повинности, которые он объединяет общим названием ἀγχαρεία, ко второй — денежные налоги и к третьей — подати натурой. Повинности, по мнению Плифона, являются самым тяжелым видом налогов. И действительно, из других источников мы знаем, каким тяжелым бременем ложились эти повинности по строительству укреплений (καстроκτισία), собственно ἀγχαρεία, т. е. ямская повинность, военный постоя, повинность по строительству судов (κατεργολκτισία). Все повинности, как правильно отмечает

¹ Речь к императору Мануялу, гл. 12.

² Речь к деспоту Феодору, гл. 10.

³ Там же, гл. 24.

⁴ Там же, гл. 12.

Плифон, тяжело отзывались на крестьянстве, отрывая крестьян от сельскохозяйственных работ, зачастую в самое горячее время, что губительно отражалось на их хозяйстве. Денежные налоги также являются тяжелыми, по мнению Плифона, так как они взимаются многими сборщиками и собираются частями несколько раз в течение года. Яркое представление о бремени денежных налогов дает хотя бы известный *πρακτικόν* (руководство) по сбору налогов Константина Пергамена, сборщика податей Фессалоникской фемы, относящийся к началу XIV в.¹ К тому же податное население Византийской империи подвергалось насилиям и злоупотреблениям со стороны огромной массы чиновников, среди которых большинство принадлежало к финансовому ведомству. Это и имеет в виду Плифон, отмечая, что налоги собираются многочисленными сборщиками (*ὅπθ' πολλῶν ἐισπραττομένων*).

Самым легким и справедливым Плифон считает установление взноса определенной части натуральных продуктов. Этот вид налога он считает наименее обременительным, так как он должен взиматься одним сборщиком и одновременно со сбором урожая. Наименее обременительным этот вид налога является, по мнению Плифона, и потому, что каждый плательщик вносит его в зависимости от мощности своего хозяйства. Поэтому Плифон предлагает перевести все налоги на эту форму обложения, самую легкую для плательщиков и самую выгодную для государства. Однако Плифон обнаруживает непонимание общественных отношений своего времени. В поздневизантийское время, как и повсюду в средневековой Европе, процесс замены взносов натурой и барщинных повинностей денежными налогами зашел уже слишком далеко, чтобы его можно было приостановить, повернув вспять развитие общественно-экономических отношений подобными проектами. Ясна поэтому ошибочность выводов некоторых исследователей, пытающихся речи мечтателя, целиком погруженного в воспоминания о „золотом веке“ античной Греции, использовать, как заслуживающий серьезного отношения источник. Неудивительно, что такие исследователи, которые ставят знак равенства между античными реминесценциями и актовым материалом и считают, что они в одинаковой степени дают основание для обобщений, приходят к ошибочному выводу, будто проект Плифона свидетельствует о наличии тенденций к развитию натуральной ренты.²

Налоги, как мы уже видели, уплачивал лишь один разряд населения — непосредственные производители. Это предложение Плифон обосновывает тем, что все их нужды удовлетворяются двумя другими разрядами: правители и воины обеспечивают им порядок и безопасность, ремесленники и купцы доставляют орудия производства и предметы потребления. Людей, вносящих налоги, Плифон называет илотами.³ Однако илоты Плифона — совсем не илоты древней Спарты.⁴ Наоборот, мы уже отмечали, что земледельцам Плифон приписывает первостепенное значение в государстве. Он называет их (илотов) всеобщими кормильцами, требует, чтобы с них не взыскивалось налогов.

¹ L. Petit et W. Regel. Actes de l'Athos, III. Actes d'Esphigmenou. „Византийский Временник“, т. XII, 1906. Приложение, стр. XV—XVII. Перевод его — „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“. М.—Л. 1951, стр. 270—271. Анализ — Б. Т. Гор я н о в. „Византийское крестьянство при Палеологах“. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 44—45.

² А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 120.

³ Речь к императору Мануилу, гл. 13.

⁴ Н. Е. Т о з е р. Ук. соч., стр. 372.

больше, чем установлено по закону, чтобы они не привлекались ни к каким другим повинностям и чтобы с ними обращались как можно лучше и справедливее.

После уборки урожая, по проекту Плифона, производится подсчет полученных сельскохозяйственных продуктов. В первую очередь должны быть восстановлены затраты земледельцев на семена, скотоводов — на пополнение поголовья. После этого все учтенные продукты должны быть разделены на три части, из которых одна идет непосредственным производителям, вторая — собственникам средств производства и третья — государству. Те, кто обрабатывает землю своими средствами производства, получают две трети полученного дохода. Третью часть они отдают государству и тем, кто охраняет порядок и безопасность.

В своих проектах переустройства общественных отношений Плифон исходит из „естественного права“, исключающего частную собственность на землю. Вся земля, — говорит Плифон, — как это дано природой, должна быть общей для всех на ней живущих, и никто не имеет права превращать ее в личную собственность.¹ Каждый желающий может, где он хочет, возделывать почву, выращивать плоды и строить жилища. Однако он может распоряжаться тем или иным участком лишь до тех пор, пока обрабатывает его своим трудом. Как только он бросает работу, земля, которую он обрабатывал, переходит в распоряжение государства, которое передает ее другим непосредственным производителям. От своего предложения Плифон ожидает большого подъема производительных сил, ибо земли не будут лежать бесплодными, если каждому будет предоставлена возможность с одинаковым правом обрабатывать землю, где он пожелает. И отдельным лицам, и обществу, — говорит Плифон, — это принесет лишь пользу.²

Взгляды Плифона на политическое устройство отличаются крайней умеренностью. Плифон различает три формы государственного устройства — монархию, олигархию и демократию. От последней он не ожидает ничего хорошего, так как, по его мнению, народ якобы не может разумно решать государственные дела. Причину этого Плифон видит в том, что среди народа имеется много необразованных людей, вследствие чего невозможно достигнуть взаимного понимания и согласованных действий на благо всего общества.³ Он склоняется к мнению „наиболее здраво рассуждающих людей“, по которому лучшей формой правления является монархия. К монархии он советует добавить нечто вроде государственного совета. В состав совета должно входить умеренное количество наиболее образованных людей, которые в своей деятельности руководствовались бы исключительно общим благом. Советники не должны принадлежать ни к слишком богатым, ни к неимущим гражданам. Первыми будет владеть лишь страсть к наживе, а вторые — станут думать только о том, как удовлетворить свои потребности. Стремлением к общему благу могут руководствоваться лишь люди среднего состояния, из числа которых Плифон и рекомендует вербовать советников.

Плифон останавливается и на некоторых экономических вопросах. Сюда в первую очередь нужно отнести его предложения относительно регулирования ввоза и вывоза. Его цель — обеспечить население страны товарами местного происхождения и сделать государство независимым от ввоза чужеземных товаров. Доказывая возможность обходиться

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 18.

² Там же, гл. 19.

³ Речь к деспоту Феодору, гл. 7.

товарами местного производства, Плифон особенно протестует против ввоза чужеземных одежд, наносящего огромный вред государству. В стране, — говорит он, — имеется достаточно сырья — шерсти, льна, хлопка и др., чтобы сделать совершенно ненужным ввоз готовых изделий из-за Атлантического „моря“ и обеспечить собственное производство одежды в размерах, которые могли бы удовлетворить потребности населения.

Все ввозимые товары Плифон подразделяет на два вида. Ввоз одних товаров он считает выгодным для государства, других — вредным. Он протестует против того, чтобы предоставлять ввоз и вывоз товаров исключительно игре торговых интересов купцов и требует, чтобы внешняя торговля регулировалась государством.¹ Товары, ввоз которых он считает полезным, следует освободить от пошлин. В речи к деспоту Феодору Плифон объясняет, что лишь железо, оружие и некоторые другие весьма нужные товары должны быть при ввозе освобождены от пошлин.

Вывоз товаров, которые полезно оставить в стране, следует допускать лишь при обложении их высокими пошлинами. Он обращает также внимание и на то, что установление подобных налогов увеличит государственные средства, которые можно будет направить на усиление обороноспособности страны в ее борьбе против внешних врагов.

В этой же связи Плифон протестует против роскоши, принявшей широкие размеры в кругах византийской аристократии. Сильный царственный орел, — говорит он, — вовсе не имеет пестрой окраски и не блещет золотыми перьями, а павлин, менее всего могущественный, пестро разукрашен.

Плифон рассматривает также проблему денежного обращения. Если первые Палеологи еще поддерживали стоимость монеты на удовлетворительном уровне, то, начиная с XIV в., ухудшение качества монеты было настолько значительным, что византийские золотые монеты, некогда всюду признававшиеся, потеряли всякий кредит.² Порча монеты, столь опасная, но легко дававшая большие денежные средства, так распространилась в эпоху Палеологов, что философ XV в. Гемист Плифон рекомендует возвратиться к первобытному обмену для торговых сделок. И действительно, Плифон обнаруживает полное непонимание процессов развития общественных и экономических отношений своего времени, ибо он не может ничего предложить для оздоровления обращения, кроме совершенно нереального проекта перехода к натуральному обмену.

Следует отметить, наконец, резкие высказывания Плифона против монашества. Известно, какую роль играло в Византии церковно-монастырское землевладение. В эпоху, когда жил и творил Плифон, класс феодалов, интересы которого проводились в жизнь византийским пра-

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 23. Повторяем неоднократно высказывавшуюся нами точку зрения, что в Византии не создались условия для развития капиталистических отношений. Тем более не могло быть и не было никакой «греческой буржуазной прослойки», как это указывал М. А. Заборов (см. „Византийский Временник“, т. IV, 1951, стр. 270). Речи Плифона могли лишь отражать настроения византийских феодалов, которые страдали от полного вытеснения к XV веку собственно-византийских товаров с рынков целиком захватившими в свои руки всю внешнюю и почти всю внутреннюю торговлю на Балканском полуострове итальянскими купцами.

² A. Andréades. De la monnaie et de la puissance d'achat métaux précieux dans l'Empire byzantine, „Byzantion“, I, 1924, p. 78.

вительством, был уже не в состоянии ставить преграды росту богатств церквей и монастырей.

Плифон требует, чтобы тем, кто, как они говорят, ведут духовный образ жизни (τοῖς δὲ φιλοσοφεῖν μὲν φάσκουσιν), было бы решительно запрещено пользоваться какой-либо долей государственного богатства. Монахи, по мнению Плифона, свободны от всяких общественных обязанностей, они поклоняются богу лишь ради собственного спасения. Поэтому, — говорит он, — никто не должен допускать, чтобы награждение этой чрезмерной богобоязненности считалось бы богоугодным делом. Мало этого, Плифон считает, что государству приносят огромный вред раздачи государственного имущества людям, которые не несут никаких обязанностей по отношению к государству и ведут образ жизни бездельников и трутней (ἀργὴν καὶ κηφήνωδην ἔξιν σφίσιν αὐτοῖς κατασκευάζοντας),¹ не испытывая никакого стыда. Расходы государства на монастыри приносят большой вред укреплению государственной безопасности. Если, — говорит Плифон, — всех доходов государства едва хватает на издержки по общей безопасности, то что же останется на государственные нужды, если придется кормить такой рой трутней (σμῆνος κηφήνων).²

В своем введении к изданию речей Плифона А. Эллисен говорит, что Плифон в осторожных выражениях рисует монашество, как паразитическое растение в государстве.³ Однако нападки Плифона на монашество отнюдь нельзя назвать „робкими“,⁴ ибо, если бы они были такими, то они не вызвали бы суровых гонений церковников.

Возникает еще один вопрос: какое влияние оказали идеи Плифона на современное ему общество? Создал ли он сколько-нибудь значительную школу своих последователей? Философские идеи Плифона вряд ли могли найти большой круг сторонников. Его планы в области социально-политического устройства также не овладели умами византийцев XV в. Однако мы знаем из указаний Матвея Камариота, написавшего две речи против атеиста Плифона, что последнему удалось создать секту своих приверженцев. В одной из своих речей он прямо говорит, что имеются те или другие лица, „зараженные плифоновской чумой“ (εἶναι τινὰς καὶ ἄλλους τοὺς μετεσχηκότας τῆς πλεθωνικῆς λύμης).⁵ Из высказываний Харитонима и других современников также видно, что Плифон создал кружок своих сторонников в Мистре.⁶ В другом месте своей речи Камариот снова рассказывает о сторонниках Плифона. Называя Плифона безбожником, восстановителем отвратительного язычества, он говорит, что Плифон, спрятав свою доктрину из лицемерия, живет жизнью зайца (τὸ δὲ λεγόμενον, λαγὼ βίον ἔζη), открываясь только своим сторонникам, храня книги, чтобы они были опубликованы после его смерти, книги, предназначенные для того, чтобы и после смерти Плифона не переставали губить человеческий род (ἵνα μὴδ' ἀποθανὼν γοῦν παύσαιτο τὸ τῶν ἀνθρώπων λυμαίνεσθαι γένος). Мы знаем, наконец, что Михаил Апостолий в письме к Плифону изъявлял желание вступить в число членов основанного им тайного сообщества.⁷ Это сообщество,

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 16.

² Там же, гл. 17.

³ A. Ellissen. Ук. соч., стр. 26.

⁴ А. П. К а ж д а н. Ук. соч., стр. 183.

⁵ Matthaei Camariotae. Orationes duae contra Plethonem de Fato, ed. H. S. Reimar, Bataviae Lugdunensis, 1721, p. 4.

⁶ F. Schultze. Ук. соч., стр. 53.

⁷ C. Alexandre. Ук. соч., стр. 370.

однако, было весьма немногочисленно и распалось вскоре после смерти Плифона, как об этом говорил Иероним в речи, посвященной памяти Плифона.

Стремясь сделать свой скромный вклад в разработку истории поздней Византии, автор этих строк работает над анализом памятников византийской литературы XIII—XV вв. Предлагаемая читателю краткая характеристика речей Плифона о реформах имеет целью привлечь внимание византинистов к исследованию византийского города и, следовательно, к решению вопроса об истоках гуманизма в Византии. Этот вопрос, запутанный буржуазными историками, может быть правильно решен лишь советскими учеными, вооруженными единственно научным марксистско-ленинским методом исследования.

Автор этих строк будет считать эту задачу выполненной, если сделанный им перевод направит новые силы византинистов на изучение важнейших проблем истории византийской культуры и продвинет решение сложной проблемы о ее характере в поздней Византии, а также издавна ведущегося, но до сих пор не решенного спора о взаимоотношениях византийской культуры XIII—XV веков и культуры Запада этого периода.

ГЕОРГИЙ ГЕМИСТ ПЛИФОН. РЕЧИ

Речь к императору Мануилу о положении Пелопоннеса

1. Божественный самодержец! Война, которая велась твоими могущественными сыновьями против господствовавших в Пелопоннесе франков [в тексте: италийцев], успешно, с решающим успехом завершена. Большинство их наиболее удобно расположенных владений, долгое время оторванных от нас, теперь возвращены нам. И в отношении всех остальных владений они должны были полностью признать наше господство. Все это увеличивает Вашу славу и укрепляет Вашу власть, а для общей безопасности и пользы, если даст бог, создаст в будущем еще более благоприятные обстоятельства. Теперь мне следует высказаться и предложить то, что, на мой взгляд, может принести большую пользу, если мои советы будут приняты. Если же они не будут проведены в жизнь, то это немало повредит общему спасению.

2. Прежде всего, государь, я хочу кратко сказать, что главным образом надлежит Вам сделать для этой страны. И не потому, что я считаю Вас мало заботящимся о стране, а для того, чтобы в моем слове не было пропущено то, что следует делать. Мы, которыми Вы руководите и правите, являемся народом греков, как об этом свидетельствует наш язык и отцовское воспитание. А для греков никакая другая область не является более родной и близкой, чем Пелопоннес и та часть Европы, которая примыкает к нему, вместе с соседними островами. Ибо с того времени, как помнят люди, эту страну населяли только греки, и никакие другие народы здесь не жили до них. И чуждые пришельцы, сменявшие друг друга, не завладели (Пелопоннесом), тогда как греки постоянно владели этой страной и никогда ее не покидали.

3. Всеми признается, что Пелопоннес из всех этих областей является первой и самой выдающейся областью греков. Общеизвестно, что происходившие отсюда греки совершили самые великие и славные дела.

Даже для того великого города на Босфоре, который теперь является Вашей столицей, эта область справедливо может быть названа матерью и родиной, так как Византий прежде населяли греки-дорийцы, дорийцы же, конечно, [происходили] из Пелопоннеса. Когда же из италийского Рима туда была послана блестящая колония, и в результате этого Византий значительно вырос, новые пришельцы не были чужды пелопоннесцам, ибо потомки Энея и сабиняне равными частями населяли Рим. Сабиняне же происходили из Пелопоннеса и были спартанцами.

4. Вот из-за чего страна эта не должна быть пренебрегаема ни Вами, царствующими, ни нами, подданными, и о ней нам следует заботиться, как о самой родной и близкой. Я уже не буду говорить, что эта страна не уступает никакой другой ни достоинствами своего климата, ни плодородием, ни обилием всего необходимого для жизни, — но разве есть какая-нибудь область более удобная для обороны? Будучи одновременно и островом и материком, она предоставляет населяющим ее возможности, не имея больших вооружений, отражать всякие вторжения и, со своей стороны, когда они хотят, вторжением в соседние страны быстро ими завладевать. Через всю страну тянутся сплошные горные цепи, подобные естественным крепостям, вследствие чего враги, даже если бы им удалось захватить [находящиеся внутри] равнины, не могли бы овладеть всей страной.

5. Вот почему об этой стране нужно заботиться не только потому, что она так близка нам, но также из-за ее достоинств: ведь лучшее имущество, конечно, заслуживает ревностной заботы. Если же эта забота падает на всех, кто относится к народу греков, то в первую очередь на Вас, царствующих, которым вручена забота обо всех. К Вам же это относится больше, чем ко всем прежде царствовавшим. Ибо когда латиняне [в тексте: италийцы] захватили страну и владели ею в течение долгого времени, никто другой, как императоры Вашего дома, вернули ее обратно. Ты сам, император, наряду со многими другими твоими прекрасными деяниями, предпринял такое великое и блестящее дело, как постройка стены вдоль Истмийского перешейка, которая будет и теперь и в будущем иметь большое значение для усиления безопасности страны. Поэтому Вам подобает к прежним Вашим благодеяниям присоединить последующие, чтобы показать, как Вы всегда стремитесь к прекрасным делам для того, чтобы уже совершенные благие дела могли быть как можно лучше продолжены и перенесены на будущее время.

6. По моему мнению, принятие мер по благоустройству страны [Пелопоннеса] будет иметь не малое значение для безопасности и благополучия великого города [т. е. Константинополя], о чем в настоящее время я считаю излишним говорить подробно. О том, насколько эта страна заслуживает величайшего внимания, достаточно, мне кажется, было сказать в немногих словах. А теперь я хочу говорить о тех мерах, какие Вам следует предпринять в дополнение к уже совершенным благодеяниям, какие улучшения являются наиболее неотложными и какие принесут наибольшую пользу. Однако до этого я хочу обратить внимание на то, что нехорошо устроено в делах [этой страны].

7. Прежде всего можно заметить, что львиная доля пелопоннесцев занимается земледелием, а некоторые — скотоводством, добывая себе этими занятиями средства к существованию. Одни и те же люди должны платить налоги государству и выполнять военную службу. Налоги взы-

скиваются небольшими долями, но часто и многими [сборщиками], причем большинство их взыскивается деньгами, а не произведениями природы. И вот когда этих людей призывают в войско, из многих являются лишь немногие, а из являющихся большинство приходит невооруженными. Но и у тех, кто остается в войске, нет желания быть в нем долго, так как их влечет домой их хозяйство, которое обложено налогами и тем не менее должно кормить их и дома, и в войсках. Невелика же польза от войска, которое не является постоянным или не вооружено.

8. Что это именно так и, действительно, чрезвычайно шатко, всякий, кто пожелает, может понять уже из рассмотрения самой этой организации. К тому же ход последней войны является лучшим доказательством, что дела обстоят именно так. Ибо как может человек в одно и то же время нести военную службу и питать и себя, и других? И ведь не всегда войско имеет добычу, достаточную для всех воинов, вследствие чего им приходится тратить многое взятое из дому, а это могло бы быть использовано государством. При таком [военном] устройстве и Истмийский перешеек не может быть в достаточной мере укреплен, да и если вспыхнет другая опасность, нет уверенности, что она будет отражена. Прежде чем мы окажемся перед лицом такой [беды], куда еще мы находимся в безопасности, нужно исправить то, что гнило и непрочное и, насколько возможно, подготовиться к тому, чтобы легко устоять, если даже это и случится. Ибо, весьма трудно проводить какие бы то ни было преобразования, когда находишься уже в опасности.

9. Некоторые предлагают установить взимаемый с каждого хозяйства налог, чтобы на эти средства содержать наемников для истмийских крепостей, и считают, что придумали этим нечто великое и замечательное. Они считают, что только это может поправить дело, и уже подсчитывают, какие средства даст этот налог. Мне же кажется смешным, если мы, вредя нашим согражданам, надеемся спастись путем найма чужеземных воинов. Ибо разве мы не вредим им, если, оставляя за ними охрану укреплений, еще сильнее облагаем их налогами? Ибо если и теперешние налоги губительны, и многие их не выдерживают, то что же получится, если они будут еще увеличены?

10. Если возникает какая-нибудь опасность, эти наемники, конечно, не будут в состоянии ее отразить. Нам придется тогда снова прибегнуть к нашим воинам, совершенно разоренным, безоружным, которые будут не в состоянии ни устоять на поле боя, ни помочь нам чем-нибудь. А ведь находящиеся у Истма под руководством божественного вождя постоянные отборные отряды не в состоянии будут отразить нападение, если не будут поддержаны достаточным по численности и боеспособности войском. В этом отношении мы похожи на людей, которые заболели от невоздержанного образа жизни, но не желают перейти на диету, а думают вылечить какими-нибудь лекарствами и амулетами, которые им кто-нибудь посоветует. Поэтому при таких обстоятельствах не будем ожидать помощи от таких советчиков. Ничто не поможет, если не произойдет большая и основательная перемена во всей обстановке и преобразование всего того, о чем я говорил.

11. Прежде всего должно быть изменено такое устройство, при котором одни и те же люди одновременно являются обязанными и военной службой, и уплатой налогов. Все пелопоннесцы должны быть разделены на две части — с одной стороны — на подлежащих военной службе, а с другой — на облагаемых налогами, причем каждого нужно

относить к той группе, к которой он кажется наиболее подходящим. Обязанные военной службой полностью должны быть освобождены от налогов; а налоги, малые или большие, не должны взыскиваться многими сборщиками и взиматься в деньгах. Ибо при теперешнем способе взимания это является большой тяжестью как для платящих, так и для собирающих налоги. Должен быть установлен единый налог, вносимый натурой и взимаемый одним постоянным сборщиком. Налог должен быть таким по виду сдаваемого продукта и по величине, чтобы он соответствовал возможностям [плательщиков] и был бы наиболее легким для вносящих налог.

12. Каким должен быть налог, чтобы он мог быть наиболее подходящим, я объясню подробнейшим образом. Плоды трудов всех по справедливости разделяются на три части: первую часть — тем, кто производит работу, вторую — тем, кто доставляет работающим средства производства и третью — тем, кто обеспечивает безопасность. К производящим работу принадлежат земледельцы, виноградари и пастухи; средствами для этих работ являются быки, виноградники, стада скота и другое в этом роде; обеспечивающие же всем безопасность — это воины, которые за всех подвергаются опасности. Правители же и государственные чиновники охраняют государственные дела, малые и большие. Император осуществляет надзор над всем, общее руководство и следит за общим благосостоянием. Если из этих частей какой-нибудь части недостает, то не может получиться ничего полезного. В первую очередь должны быть налицо производящие работу, также обязательно иметь средства для их работы, и охраняющих, если желать пользы от всей работы.

13. В соответствии с этим плоды трудов, будь то вино, масло, хлопчатобумажные ткани или же приплод от стад, молоко, шерсть или что-нибудь в этом роде, должны быть разделены на три части. Когда плоды будут подсчитаны и земледельцам будут возвращены затраты на семена, а пастухам на восполнение поголовья, то одна часть должна быть отдана работающим, другая — доставляющим средства производства, а третья — государству. Кто работает с собственными средствами производства, получает две части, третью же отдает государству. Тот, кто получает средства для производства от государства, должен ограничиться третьей частью плодов своей работы, если только они не оставляют себе больше законной части, иначе договорившись с казной. Если же производство идет на общие средства, то производители получают половину. Ничего другого, что заслуживало бы упоминания, они не должны вносить. Людей же, которые таким образом вносят налоги, можно назвать илотами, так как они свободны от военной службы и подлежат обложению налогами. Их можно назвать всеобщими кормильцами, с них нельзя взыскивать налога больше, чем установлено, и притом только один раз; нельзя привлекать их к другим повинностям, а обращаться с ними [следует] как можно лучше и справедливее.

14. Когда будет так устроено, каждому пешему воину нужно дать одного илота, всаднику же — двух. Каждый воин будет иметь возможность пользоваться плодами своего хозяйства и получать долю от илота, будет ли последний работать на собственные или на государственные средства. Таким образом, это не будет мешать воину нести военную службу, и он сможет оставаться на своем посту. Во всех областях граждане должны быть по этому способу разделены на воинов и илотов, ибо не все способны нести военную службу. Там же, где большинство окажется способным к военной службе, следует разделить

их на очереди, а затем заставить людей одной очереди работать на общие средства. И так по очереди одна часть будет работать, а другая нести военную службу. Сколько илотов нужно будет дать полководцам и командирам отрядов, это Вам следует определить; я хочу лишь дать некоторый совет. Из трех илотов, которые будут даны каждому из них, один должен быть всадником, одновременно исполняющим обязанности слуги своего начальника и воина, причем за эту двойную службу его следует вознаграждать так, как он договорится с казной. Нужно также установить, какое количество илотов должно быть определено и божественному вождю войска. Наконец, и священнослужители высших разрядов должны пользоваться услугами илотов наравне с военачальниками, так как вследствие холостой жизни они не могут пользоваться услугами ни жены, ни детей.

15. Что касается тех, кто, как они говорят, ведут духовный образ жизни и требуют себе много благ от государства, то они не должны пользоваться ничем из общественных запасов. Они могут неограниченно пользоваться плодами своих трудов, не должны вносить налоги, но ни в какой мере не [должны] пользоваться государственными богатствами, что, как я думаю, справедливо и соответствует их образу жизни. Непристойно и несправедливо [будут поступать] и они сами, если будут брать что-либо от казны, и те, кто им станет давать. Те люди, к которым поступают государственные налоги, получают это вознаграждение как стражи общества за свои труды, ибо они трудятся ради общей безопасности. Эти же люди, занятые духовным, не имеют никаких обязанностей перед обществом, ибо общественное богослужение выполняют другие, — они же, отказавшись, как говорят, от всего, поклоняются богу лишь ради самих себя, заботясь лишь о собственном спасении. И если они требуют себе под предлогом собственной добродетели плату, которая должна быть дана защитникам государства, а другие дают им это, отнимая у тех, кто действительно заслужил, — то только тот сочтет это справедливым, я думаю, кто сам охвачен суеверием, третьей формой безбожия, и считает, что богу нужны эти чрезмерные дары.

16. Мне кажется, что такие [действия] не совпадают с учением тех, кто первоначально установил этот [монашеский. — Б. Г.] образ жизни; ведь они учили, что каждый должен работать сколько может, чтобы поддержать по возможности свое существование, ни в коем случае не пользуясь принуждением. Нет сомнения, что государство испытывает ущерб от такой готовности к неуместным расходам, когда принимаются требования на выдачи из государственного имущества людьми, которые не несут никаких обязанностей, лишь вредят государству и ведут образ жизни бездельников, подобных трутям, не испытывая от этого никакого стыда. Лучшим доказательством несправедливости этих людей является то, что они идут навстречу желаниям наших врагов, без стыда губя и растрачивая наши материалы, необходимые для охраны общей безопасности. Точно так же и те, которые требуют платы в вознаграждение за большие и важные, как они говорят, услуги, оказанные некогда ими или их предками, в настоящее время работают на всеобщую гибель, не только требуя незаконного вознаграждения, но действуя совершенно неразумно, не понимая, что если государство погибнет, то оно и им не сможет принести никакой пользы.

17. Если некоторые из этих людей за большие оказанные ими услуги или принесенные государству жертвы сохраняют нетронутыми свои имущества или получают известную скидку, то я считаю вполне спра-

ведливым, чтобы они со своей стороны несли соответствующие обязанности, довольствуясь почетом вместо вознаграждения. Ведь в этом случае большие доходы, которыми они пользуются, или большие обязанности, которые они выполняют, приносят государству большую пользу, и они не уподоблялись бы в этом случае корове, которая, по пословице, топча ногами, разбрызгивает то молоко, которое дает, или тем, про которых говорится у Гесиода, что они „возлюбят, что гибель несет им“.¹

Если и так всех доходов государства едва хватает на издержки по общей безопасности, что же тогда останется на государственные нужды, если нужно будет кормить такой рой трутней, из которых одни, как они говорят, рассматривают себя как духовных лиц, в то время как другие вообще остаются праздными, требуя для себя гораздо больше, чем те, которые заняты на государственной службе? Вы должны поэтому все устроить правильно: как то, что касается отдельных лиц, так и прежде всего прочего то, что содействует улучшению положения государства.

18. Теперь я снова обращусь к тому, от чего я отступил. Следствием всего сказанного является то, что вся земля, как это дано природой, должна быть общей для всех на ней живущих, и никто не должен превращать ее в личную собственность. Каждый может, где он пожелает, на ней выращивать плоды, строить жилища и возделывать почву. Каждый должен считаться хозяином возделываемого им участка до тех пор, пока он не оставляет работы на нем; он никому не должен ничего платить, и никто не может вредить ему или препятствовать, кроме того только, кто раньше его получил [этот] участок для обработки, — как устанавливается законом в отношении общей, а не частной собственности. Если кто-нибудь облагается налогами в числе илотов, тот должен, как было сказано, вносить третью часть доходов государству, но не более, и никто не может его более обременять, если он выполнит то, что с него следует. Тот же, кто служит в армии или на государственной службе, должен быть свободен от всяких повинностей, за исключением службы, которая на него возложена.

19. Если кому-нибудь покажется, что я излагаю невиданные и невероятные предложения, пусть он тогда возьмет надо мною верх, когда докажет, что предлагаемое мною не является наилучшим и выгоднейшим государству и вместе с тем отдельным гражданам. Ведь тем, которым будет казаться, что они лишились участка, можно в виде утешения указать, что у них отнята не их собственная земля, но что земля будет взята в общественное пользование, если они не хотят ее обрабатывать. Все будет обрабатываться и приносить плоды, а не будет лежать бесплодным, если всем будут предоставлены равные права на обработку земли, в любом месте, так что и обществу и отдельным лицам это принесет лишь пользу. Если дела будут устроены по предлагаемому образцу, это будет иметь самые лучшие последствия для Пелопоннеса. Будет достаточно людей для охраны Истма и для охраны находящихся повсюду крепостей, для отражения возможных вторжений, для походов за пределы нашей страны, если понадобится; будет всего достаточно и для домашнего обихода божественного правителя. Так что трудно сказать, в чем будет недостаток, если все произойдет таким образом и такое устройство будет создано.

¹ Гесиод. Труды и дни, стк. 58 (перевод В. Вересаева).

20. Не лишним будет к уже сказанному прибавить следующее. Всегда и всюду, о император, имеются преступники, которые по законам должны быть лишены жизни. Теперь применение этого наказания против преступников вышло из употребления. Некоторые из них вместо этого подвергаются членовредительству, а некоторые совсем ускользают от всякого наказания. И то и другое кажется мне неблагоразумным. Членовредительство является варварским, ни в коем случае не греческим обычаем, оно не свойственно нашему народу и представляет, кроме того, отвратительное зрелище. Но и отпустить преступников безнаказанными вредно или опасно для государства. Мне кажется наиболее благоразумным наказанием, полезным как общинам, так и государству, если преступников заставить работать и использовать их на строительстве, например на постройке истмийских укреплений или на каких-нибудь других работах. Тогда и воины не должны будут выполнять эти работы, разве только в случае особой необходимости, да и не надо будет дополнительно обременять тех, чья обязанность состоит, как мы говорили, в уплате налогов.

21. Не следует пренебрегать средствами для устранения недостатков [нашей] монеты. Чрезвычайно неразумно пользоваться плохими сортами чужеземных монет, — ведь это приносит выгоду иностранцам, а нам — обидные насмешки. Также и в этом отношении предлагаемый мною совет может сильно улучшить положение. Ибо если облагаемые налогами вместо денег будут вносить продукты, и, с другой стороны, те, кто получает доходы от государства, также будут получать натурой, это уже во многом пойдет на пользу делу. Тогда понадобится значительно меньше денег в монетах, а для каждодневного обмена подойдет любая имеющаяся монета. К тому же Пелопоннес, как кажется, не нуждается настоятельно в монете, которая имеет обращение в других странах. Наша страна, кроме того, не нуждается в привозных товарах, за которые нужно расплачиваться деньгами, за исключением железа и оружия. Эти же предметы можно легко обменивать на хлопчатобумажные ткани. Таким образом, мы могли бы без вреда избавиться от плохой чужеземной монеты.

22. Нуждаться в чужеземных платьях — также большая глупость. Немалым вредом для государства является, если мы в стране, которая имеет в достаточном количестве шерсть и где нет недостатка в льне, виссоне и хлопке, не выделяем из них, как сами умеем, платья и поступаем так, как будто мы не можем обойтись без привезенной из-за Атлантического моря и даже обработанной там ткани. Для нас будет действительно более достойно, если мы обойдемся местными тканями, чем если мы будем чужеземные ткани считать лучшими, чем отечественные.

23. Поскольку я упомянул о ввозимых товарах, следует вообще высказаться о ввозе и вывозе товаров. Что касается ввозимых товаров, то ввоз некоторых является выгодным, а других невыгодным, тогда как среди товаров, предназначенных для вывоза, одни вывозить выгодно, что же касается других, то безразлично, вывозить их или нет. Однако и эти нельзя оставлять без внимания и допускать, чтобы сделки совершались в зависимости от случая. Неплохо для государства, если и здесь будет устанавливаться, что полезно и что вредно. На предметы, которые полезно ввозить, не должны накладываться и взиматься пошлины ни со своих граждан, ни с чужеземцев, чтобы этим облегчить ввоз. С другой стороны, товары, которые выгоднее оставить в стране, должны допускаться к вывозу лишь при высоких вывозных пошлинах, чтобы,

из-за невозможности выгодного вывоза, они оставались в стране для пользования своим гражданам. Если же, несмотря ни на что, эти товары все-таки будут вывезены, то государство, по крайней мере, извлечет выгоду и из вырученных средств сможет оплатить расходы на посольства или на какие-нибудь другие цели.

24. Однако эти меры могут быть введены и позднее. Но для того чтобы уже сейчас обеспечить безопасность, в первую очередь нужно предпринять то, что относится к укреплению войска, к облагаемым налогами, которые должны взиматься справедливым, удобным и не обременительным способом. Если кто-нибудь сможет посоветовать что-нибудь лучшее и более удобное, пусть это будет принято. Но ни в коем случае дела не могут быть оставлены без улучшения и без внимания, в том виде, как они есть, так как это чрезвычайно вредно и опасно. Я думаю, что трудно придумать что-нибудь лучшее и более полезное, чем то, что я предлагаю, да еще такое, чтобы это не трудно было осуществить. Очень плохо, если дела останутся в их теперешнем состоянии, которое чревато большой опасностью. Здесь потребуются лишь, о император, твое высочайшее решение. Для тебя, повелевающего нами во всех делах, не составит никакого труда решиться на то, что, будучи лучшим и справедливейшим, принесет наибольшую пользу как всему обществу, так и отдельным гражданам.

25. Если ты в силу твоей верховной власти поручишь мне привести все эти дела в порядок, то я возьму на себя эту должность, и если даже никто другой не возьмется за это, я обязуюсь устроить дела в Пелопоннесе по тому плану, который я теперь изложил в своей речи. При этом, о император, я хочу настоятельно просить, чтобы это дело не поручалось тем, кто постоянно осаждает тебя просьбами вовсе не из хороших побуждений. Если только руководить настойчиво и без склонности к плохому, то тогда будет не трудно устроить все так, как я предлагаю в своей речи. Теперь я сказал, что я считаю нужным исполнить, и по каким причинам. Твоим божественным сыновьям я также изложил свои планы в форме речи. Теперь все зависит от твоего высочайшего решения. Если ты примешь это мудрое решение, то оно также хорошо будет проведено в жизнь. Пусть бог направит тебя на это прекрасное для всех решение.

Речь-совет к деспоту Феодору о Пелопоннесе

1. Для спасения находящихся на корабле кормчий имеет право делать все, что считает нужным, так же как и полководец для победы своих воинов. Ни мореплавателям, ни воинам не удалось бы даже на короткое время сохранить порядок, если бы они не подчинялись одному человеку.

Мы ясно видим, что при таких острых положениях, когда возникает большая опасность, единовластие оказывается самой верной и полезной формой правления.

Тем не менее мы знаем, что и на корабле всякому матросу, желающему предложить что-нибудь для общего спасения, и в войске солдату, придумавшему удачный выход, разрешается подать совет и сообщить кормчему или командиру то, что пришло ему на ум.

А они должны его выслушать и или последовать совету или отвергнуть его, но без раздражения и снисходительно. Ведь вполне простиительно, если в момент общей опасности кто-нибудь считает, что забота

об общем спасении лежит и на нем. На тебя, божественный правитель, твоим отцом, нынешним императором, возложена вся забота о нашем государстве и о народе, — он получил управление нами как наследие от своих предков, и тебе следует вести дела по твоему собственному усмотрению, но вместе с тем так, чтобы и для нас это было полезно, ибо все послушны твоей воле и никто не осмеливается противоречить тебе.

2. В отношении тебя дело обстоит именно так. Мы же находимся среди величайших опасностей. Нам угрожают со всех сторон — и с суши и с моря; нас в собственной стране притесняют как варвары, так и собственные граждане, а больше всего эти находящиеся в близком соседстве с нами варвары, называвшиеся в древности Паропамисады. Эти варвары были разбиты Александром, сыном Филиппа, и находившимися с ним греками во время его похода на Индию, а теперь, после такого длительного промежутка, они взыскивают сторицею с нас, греков, за перенесенное ими тогда. Они теперь настолько превзошли нас в силе, что при каждом нашествии угрожают нам окончательной гибелью. При таких обстоятельствах, мне кажется, не будет неуместным, если, размышляя о всеобщем благе, может быть, больше, чем другие, я предложу тебе, нашему повелителю, такие вещи, которые, по моему убеждению, и тебе будут полезны и нам всем послужат ко спасению. Прежде всего, однако, я прошу тебя, если не все в моей речи покажется приятным, но что-нибудь ты сочтешь резким, простить меня, предпочитающего полезное и лучшее приятному. Но я вижу, что врачи, заботясь о спасении и здоровье больных, не боятся самых ужасных кушаний, напитков и вообще лекарств, в то время как повара, напротив, приятностью своих яств во многом вредят телу. Таким образом, не всегда помогает приятное, но иногда и неприятное приносит пользу.

3. Прежде всего следует помнить, что даже в самых тяжелых обстоятельствах ни отдельные граждане, ни государства и народы не должны терять надежду на спасение. Со многими уже было так. Троянцы, после того как их родина была разорена греками, вместе с Энеем из Фригии отправились в Италию, а впоследствии населили Рим вместе с сабинянами, происходившими из Спарты, и потом достигли такого господствующего положения, которого на человеческой памяти никто не достигал. Так и персы, после их покорения Александром с греками и македонянами, когда Македонское государство было завоевано римлянами с помощью парфян, пришли к немалому величию. Также и с Римским государством, бывшим тогда великим, персы постоянно воевали с переменным успехом и наконец одержали такую блестящую победу над римлянами, что на многие поколения обложили их данью.

4. Поэтому было бы несправедливо, если бы мы сами оставили себя на произвол судьбы, не пытаясь даже спастись. Но, даже в самых плохих обстоятельствах, надеясь на лучшее, мы должны стремиться со всем усердием к успешному завершению наших дел, чтобы по возможности добиться более счастливого и благополучного состояния. Однако нет, никакого другого способа коренным образом вывести государство или народ или вообще человеческие дела из плохого состояния иначе, как преобразовать государственное устройство. Ибо нет никакой другой причины хорошего или плохого состояния государства, кроме хорошего или плохого его устройства. Если случайно государство и придет к желаемому благополучию, то это будет непрочно и

скоро может снова измениться к худшему. В большинстве случаев благосостоянием государства обязаны своему хорошему устройству, в то время как плохое устройство государства ведет к общему упадку и гибели.

5. Греки добились славы для своей общины во всем мире лишь тогда, когда Геракл, сын Амфитриона, освободив страну их от злодеяний, принес им законность и стремление к добродетели. Ибо до Геракла народ греков был мало известен, над ним господствовали дакийцы и кадмийцы, чужеземцы из варварских стран. Ко времени же после Геракла относятся великие победы греков как в Элладѣ, так и в варварских странах. Лакедемоняне лишь тогда получили гегемонию над греками, когда Ликург установил у них достойное похвалы законодательство. И они были разбиты и отстранены от гегемонии не раньше, чем отошли от установленного [им] государственного устройства. К тому же они начали стремиться к господству на море, в то время как раньше они вели лишь сухопутные войны. Конное дело у них было поставлено очень плохо, так как о содержании лошадей заботились богатейшие граждане. Когда была нужда в войске, они передавали оружие набранным народу, не всегда умевшему с ним обращаться. Они беспредельно властвовали над союзниками. Поэтому они были побеждены фиванцами во главе с Эпаминондом, который ревностно следовал учению пифагорейцев. Также и Филипп, бич для фиванцев, который был воспитан известным Эпаминондом, превратился в верховного повелителя греков. И Александр, его сын, воспитанный своим отцом, а также Аристотелем, сделался предводителем греков, а после подчинения персов также и повелителем Азии.

6. Римляне благодаря своему образцовому государственному устройству достигли великого господства. И дела у них стали клониться к упадку не раньше, чем они начали менять установленный порядок. Сарацины были некогда незначительным арабским племенем и подчинялись римлянам. Но когда у них были установлены законы и введено новое государственное устройство, это послужило им [если не для чего-нибудь другого] [то по крайней мере] лишь для расширения их территории и усиления военной мощи. Они прежде всего стали во главе родственных им арабов, затем отняли у римлян многие лучшие области, овладели Ливией и, подчинив себе персов, захватили их владения под свою власть. Многие другие народы вселенной, введя у себя новые законы и удачно пользуясь ими, кажется достигли благоденствия. Также и варвары, которые овладели нами, пользуясь подобными законами, достигли большой мощи. И если принять во внимание все остальное, то мы увидим, что народы и государства, в зависимости от хорошего или плохого устройства, находятся в хорошем или плохом положении. Если поэтому мы станем рассуждать, какими средствами мы можем найти спасение и какими путями мы можем из теперешнего положения прийти к лучшему, то нет другого способа, как преобразовать государственное устройство, т. е. из теперешнего плохого состояния перейти в лучшее. Государство [и государственное устройство] состоит из многих частей, из которых каждая может сделать их хорошими или плохими. Если из этих частей преобладают хорошие и подходящие, то и все государство хорошо устроено, если же преобладают плохие, то и государство плохо устроено.

7. Существуют три главных вида государственного устройства — монархия, олигархия и демократия, и каждый из них имеет многие разновидности, по которым государства управляются лучше или хуже.

По мнению наиболее здраво рассуждающих, лучшим из них считается монархия, имеющая хороших советников и законы, имеющие должную силу. В качестве советников лучше всего иметь известное число хорошо образованных людей. Можно опасаться, что весь народ, среди которого, из-за большого количества необразованных людей, трудно или невозможно достигнуть взаимного понимания, может принять многие неразумные решения. С другой стороны, от очень небольшого числа людей-правителей, заботящихся лишь о собственной выгоде, трудно ожидать хороших советов. Напротив того, умеренное количество хорошо образованных людей, из которых одни соображают одно, другие — другое и все руководятся лишь общим благом, лучше и вернее всего подают советы государству. Хорошо также, если советники имеют умеренное состояние, не будучи ни слишком богатыми, ни совсем нищими. Ибо одни из-за страсти к богатству будут советовать только то, что может принести им выгоду, а другие, вследствие своей бедности, будут смотреть только за тем, чтобы удовлетворить свои потребности. Люди же умеренного состояния будут заботиться лишь о том, что принесет пользу всему обществу. Вот это относится к советникам.

8. Дельными законами, вообще говоря, являются такие, которые каждому в государствах и народах определяют круг его действия и запрещают вмешиваться в дела, которые его не касаются. В каждом государстве первым, самым необходимым и наиболее многочисленным классом являются трудящиеся, т. е. земледельцы, животноводы и все те, которые собственными трудами добывают плоды земли. Этим и остальной массе граждан государства служит другой класс — класс ремесленников, купцов, лавочников и им подобных. Ремесленники доставляют предметы, необходимые людям в их повседневной жизни. Купцы посредством ввоза и вывоза таких предметов, которых в одной области излишек, а в другой недостаток, выравнивают это несоответствие и этим оказывают услуги тем, кто из-за своих дел не имеют времени для этих занятий. Лавочники покупают у ремесленников и купцов вещи и продают их отдельным лицам по их потребностям. Наконец, другие приобретают средства к жизни, продавая свою рабочую силу то здесь, то там.

9. Кроме этих имеется еще класс правителей, на обязанности которых лежит сохранение и защита всего государства, состоит ли оно из одного или нескольких народов. Во главе их стоит император, или иной правитель, в то время как другие управляют частями народа или государства. Невозможно убедить всех людей сохранять справедливость, никого не обманывать и не стремиться к чужому имуществу, так как никогда нет недостатка в людях, которые оставляют свою работу в поле или другую работу, доставляющую им средства к жизни, и стремятся к овладению плодами чужих трудов. Против этих людей установлены должности судей и других государственных служащих, а для военных дел — воины с их начальниками. Так как тем, на обязанности которых лежит защита всех, откуда-нибудь должно доставляться содержание, то от производителей требуются налоги для прокормления служащих в охране и выплаты им жалования. Таково происхождение налогов.

10. При наличии этих трех главных классов государства каждому из них соответствуют особые ремесла и занятия, и хорошие законы должны определить, чтобы каждый занимался своим делом и чтобы никто не вмешивался в ремесла и занятия другого класса. Для правителей не подходит никакое служебное занятие, так как всякий вид

службы противоречит делу управления. К таким служебным занятиям относятся также и крупная и мелкая торговля. Благоразумные законы не должны разрешать правителю как торговли, так и любого другого несвободного занятия. Воинов нужно отделить от народа, как и вообще охраняющих от охраняемых. Эти должны, будучи свободными от всех налогов, нести военную службу и подвергаться опасности за всех, а те, выполняя свои обязанности, в то же время, в меру своих сил, нести нетяжелые налоги для содержания правителей и военачальников. Бóльшая и самая основная часть войска должна состоять из местных уроженцев, а не из чужеземцев, так как чужеземцы в большинстве случаев являются неверными, часто превращаясь из спасителей и стражей в противников. Местные же люди, если о них внимательно заботятся, являются наиболее надежными и верными. Большинство земледельцев, содержащееся в армии за свой счет, может, соединяясь в группы, сообща обрабатывающие землю, чередоваться и по очереди работать на земле и нести военную службу, так что между ними будет вполне возможно распределить и заботу о собственном хозяйстве и охрану государства.

11. В войске пешие воины должны быть отделены от всадников. Пешие воины должны быть разделены на отряды и боевые порядки, возглавляемые лохагами и таксиархами, а всадники — на эскадроны и полки во главе с илархами и синтагматархами, с тем, чтобы они могли быстро и в полном порядке появляться всюду, где это нужно. Не следует одновременно заботиться об обоих видах военной силы, сухопутной и морской, но постоянно об одной, и если это позволяет характер народа и государства, а также и природа страны, главным образом о сухопутной силе, чтобы, растрачивая свое внимание на оба вида войска, не упускать многое в каждом. Мощь страны должна опираться на способности военачальников и храбрость воинов, а не на искусство владельцев кораблей и прочих плохих людей. Управляющие страной должны доставать средства из собственной страны, а не из чужих стран. Находясь вдалеке в большинстве случаев от приморских стран, нужно, за исключением крайних случаев, вести войну только со своими ближайшими соседями, а не [многими сразу] одновременно с соседями и с отстоящими далеко. Все это во многом способствует улучшению и укреплению военной мощи.

12. Имеется три вида, на которые можно разделить налоги: повинности, взнос определенной суммы, в наличных деньгах или иных ценностях, и взнос определенной части продуктов. Повинности являются самым тяжелым для облагаемых видом налогов, вносимым не продуктами производства, а физическим трудом. Они неудобны также и для сборщиков налогов, так как их присутствие необходимо ежегодно во время производства работ. Установление определенной денежной суммы, не менее обременительной для платящих налоги, является неравномерным: при необходимости ее исчисления невозможно полностью учесть состояние плательщиков, установив податную мощность каждого из них, так как она не является постоянно одинаковой. Еще более тяжелой она является потому, что вносится частями в течение целого года и взимается многочисленными сборщиками. Взнос же определенной части натуральных продуктов является наименее обременительным, принимая во внимание время сбора урожая, а также более легким и удобным, чем любой другой вид налогов такой же ценности, ибо соответствующая часть взимается одновременно со сбором урожая. И, наконец, из всех налогов он является наиболее равномерным и справед-

ливым, так как каждый плательщик вносит его в зависимости от мощности своего хозяйства. Таким образом, этот вид налогов является самым легким, самым справедливым и самым выгодным для государства, если он взимается при справедливом распределении. Теперь следует обсудить, как должно справедливейшим образом происходить это распределение.

13. Для получения дохода плоды земли требуют трех элементов: труда, средств производства, с помощью которых работают производители, т. е. скота, виноградинок, пастбищ и всего подобного, и охраны всего этого. Поэтому они [плоды земли] принадлежат по справедливости работающим, тем, кто доставляет средства производства, и, в-третьих, охраняющим и управляющим всем, которых мы назвали императорами, военачальниками и иными правителями. Поэтому тем, которые обрабатывают землю сами и на свои собственные средства там и когда им это нравится, принадлежат две части дохода: одна за труд, а другая за понесенные издержки. Третью же часть они должны вносить государству и тем, кто заботится об общей безопасности, которые в то же время должны быть освобождены от всяких налогов и остальных служебных повинностей. И это будет самым справедливым налогом, который был бы достойным даром, обеспечивая людей, которым поручены государственные дела. Вот это относится к налогам.

14. Образ жизни как всех граждан, так в том числе и правителей, должен быть не расточительным, а умеренным. Они должны обходиться без легкомысленных и бесполезных чужеземных нарядов, постоянно быть готовыми к войне, все время имея наготове все необходимое для военных действий. Военные действия потерпят значительный вред, если средства бесполезно растрачиваются. Плоды страны, как и куда кто пожелает, могут быть вывозимы лишь в случае уплаты половины их стоимости в качестве вывозного налога, если их хотят вывезти нашим союзникам за границей. Таким образом, они должны вывозиться лишь при условии, если местный купец по крайней мере вдвойне оплатит свою прибыль при торговле с чужеземными странами. Только в случае обмена на железо, оружие и некоторые другие весьма нужные товары вывоз может быть освобожден от всякого обложения. Нельзя пользоваться ни неполноценной ни чужеземной монетой, так как она причиняет значительный вред государству. Ибо монетное обращение имеет не малое значение для государства. Подделывающие монеты не должны подвергаться странным варварским наказаниям, чтобы и после наказания снова продолжать свои преступления. Если некоторые кажутся неисправимыми, то гораздо лучше лишить их жизни и освободить их душу от тела, которым они не умеют правильно пользоваться. Из-за калечения людей испорченные и бесполезные тела являются излишним грузом для государства.

15. Такими и подобными им являются законы хорошо устроенного государства; все равно, большого или малого. Для всего общества и отдельных лиц важнее правильное воззрение на бога. Главными тремя пунктами [догматами] являются следующие. Во-первых, что из сущностей бог есть главная сущность; во-вторых, что бог заботится о людях и устраивает все человеческие дела, большие и малые; в-третьих, что он по своему благоусмотрению правильно и справедливо управляет всем, никогда не отступая от того, что следует в каждом случае ни из-за даров людей, в которых он не нуждается, ни из-за чего-нибудь другого. Раз это так, то отсюда следует, что благоговейное поклонение богу, жертвы и приношения, производящиеся

с должной мерой и благочестивыми намерениями, являются свидетельством признания, что все хорошее происходит от божества. Заблуждающиеся в этом позволяют думать, что ими овладели один или два вида безбожия. Те, которые допускают преувеличенную роскошь в богослужении как у себя дома, так и в городе, как будто большой стоимостью жертв они могут изменить что-нибудь, то, так как они скорее имеют вид желающих откупиться от какой-нибудь вины или обязательства, а не принести жертву, им свойственен третий вид безбожия. Если же указанные основания и мнения у отдельных лиц и во всем обществе пустили крепкие корни, то всюду, где они господствуют, процветают нравственные добродетели и стремление к лучшему.

16. Все дурное и все великие человеческие грехи происходят от противоположных взглядов. Всегда имеются люди, которые неблагоприятно рассуждают. Некоторые вообще не верят в существование бога. Другие верят в его существование, но не в его заботы о человеке. Третьи верят и в его существование и в его заботы, но считают, что жертвами, приношениями и молитвами можно побудить его не относиться строго к правосудию. Из этих двух противоположных мнений о божестве, как из источников, происходят два не менее противоположные жизненные правила. По одному из них добродетель считается единственным или высшим добром, а по другому целью жизни является удовольствие. Природа человека состоит из божественного и смертного начал. Это признают все одаренные умом люди как среди греков, так и среди варваров, считая, что божественное начало — душа, а смертное — тело. Те, которые следуют склонности к божественному, по свойственному им богопочитанию считают направляющей линией всей жизни добродетель и добро, которые руководят всеми делами людей. Те же, которыми управляют смертные и звериные начала, ошибаются в мнении о боге, считая удовольствие целью жизни, и совершают поэтому всюду многие плохие дела. Между ними находятся те, которые стремятся к славе и богатству, в то время как слава является отражением добродетели, а деньги — лишь средством к жизни.

17. В каждом веке были люди, которые стремились к добру, как, например, Геракл, сын Амфитриона, который, дав грекам хорошие законы и внушив им усердие к добрым делам, сделался известным во всей вселенной. Он и показал свое высшее совершенство многочисленными трудами и подвигами. Далее, когда у лакедемонянина Ликурга умер бездетным его брат-царь, его вдова почувствовала себя беременной. Она предложила Ликургу погубить зародыш, жениться на ней и овладеть царством. Однако Ликург не согласился на это предложение, противоречащее справедливости, но всеми способами постарался сохранить сыну брата жизнь и оставить за ним отцовский сан. Затем, избранный государством в законодатели, он установил всеми хвалимое государственное устройство, создав самое лучшее государственное устройство как среди греков, так и среди варваров. Далее Александр, царь Македонии, сделавшись, вследствие своей храбрости и ума, вождем всех греков, создал для греков и македонян гегемонию во всей Азии. И из варваров перс Кир, своей доблестью не только освободил персов из-под власти мидян, но и сделался владетелем над ними и над всей Азией.

18. Из других же Александр из Илиона, сын Приама, при суде над богинями и выборе образа жизни пренебрег Герой, хранительницей добродетели, и Афиной, создательницей славы, предпочел и выбрал Афродиту, богиню сладострастия. Он нисколько не сокрушался о потере

им обещанного Герою царства и счастливой жизни, основанной на добродетели, как и о военной силе, даре Афины, и почетной и славной жизни. Вместо этого он в качестве награды за свой несправедливый приговор взял дочь Тиндара лакедемонянку Елену, жену Менелая, сына Атрида. Целью его было наслаждение, ибо она была весьма красива, хотя и с позорнейшими и преступными чувствами, чем он погубил и себя и свое отечество. Также и ассириец Сарданапал своей изнеженностью и обжорством погубил господство своих граждан ассирийцев, попавших под иго мидян. Так и у римлян Нерон, совершая многие ужасные и бесстыдные поступки, убил свою мать и сам погиб ужасной смертью. Он пренебрегал и своим отечеством, и лишь доблесть римлян, еще не настолько павшая, не дала им окончательно погибнуть.

19. Много есть и других людей как среди правителей, так и среди народа, совершающих большие или меньшие грехи. К ним принадлежат и те, которые считают тенью и пустыми словами справедливость, правду и всеобщее благо, стремятся лишь к золоту и другим ценностям, измеряют благополучие одедами, серебром и золотом, постоянной ленью и обжорством и ни во что ставят как свою, так и их детей и всего государства безопасность и свободу. Существуют и такие, которые, пока не появляется золото или что-нибудь подобное и пока они рассматривают все само по себе, являются самыми сильными ораторами в пользу справедливости и правды; но когда появляется золото или что-нибудь ему равноценное, их язык тотчас же запеневает, уста закрываются и они молчат о справедливости, так как все их рвение направлено к противоположному. Если государства управляются такими и им подобными людьми, они находятся в плохом состоянии, так как даже лучшие законы далеки от исполнения, и все смешивается в беспорядке. Ибо государства нуждаются не только в хороших, но и в действующих законах. А сильными законы становятся при добродетели правителей, при трех видах богобоязни, о которых говорилось.

20. Мы сейчас нуждаемся только в спасении и самосохранении. Мы видим, к чему свелось великое господство римлян, которым, потерявшим все, остались лишь два города во Фракии и Пелопоннесе, да и тот не на всем своем протяжении, и, кроме того, то там, то здесь какой-нибудь островок. Но так как спасение государства возможно лишь при надлежащем устройстве, то теперь следует установить хорошие законы и по возможности поставить наилучших правителей. Ибо чем в более плохом положении находятся наши дела и чем большая у нас слабость по сравнению с противостоящими нам мощными врагами, тем настоятельнее необходимо правильным государственным устройством смягчить наши трудности. А каким образом создается хорошее государственное устройство, об этом мы сказали самое главное и для настоящего положения дел провести полезные мероприятия вовсе уж не так трудно. Ибо если от одного человека зависит, сделать это или нет, то это не может быть ни невозможным ни особенно трудным.

21. Говоря о единой воле, я думаю прежде всего о твоей воле. Если бы тебе, правителю, облеченному высшей властью над нами, бог внушил желание провести в жизнь великое и прекрасное, так как ты по своему характеру склонен к добродетели и к прекрасному, то было бы не трудно осуществить все это, и наше спасение не было бы безнадежным. Ибо в этом заключается все, от чего зависят наше спасение или наша гибель. Если бы ты пожелал провести в жизнь нечто великое и прекрасное, то ты не легко нашел бы что-нибудь бо-

лее великое и прекрасное, чем спасение народа и укрепление государства. Это укрепление не может состоять не в чем ином, как во введении надлежащего государственного устройства. Самое же лучшее государственное устройство может быть создано не иначе, как я это изложил и как это во всех веках происходит в обладающих лучшими законами государствах.

22. Если ты сам этого желаешь и обратишь на это свою мысль, то ты без труда найдешь соратников, ибо прежде всего самых способных людей ты обратишь на занятие государственных должностей, а остальных приведешь к повиновению убеждением, хорошим обращением и наказаниями. Ты будешь пользоваться двумя этими способами, убеждением по отношению к благомыслящим и гневом по отношению к провинившимся. Ибо хороших результатов можно достигнуть лишь задумав это и старательно к этому стремясь. И сохранить эти хорошие результаты можно, лишь соединяя разум с установленной целью. Свои государственные преобразования ты можешь начать с выбора своих советников, установив необходимое их количество. С этого хорошо начать и затем следовать далее в делах устройства и преобразования. Ты должен внушить им, в какой большой опасности находятся наши дела и что у нас нет никакого другого спасения, кроме правильного преобразования государственного устройства. Ведь и для больных, если им становится вредным их обычный образ жизни, нет никакого другого способа искоренения своей болезни, чем перемена образа жизни на более полезный.

23. Затем ты должен много сделать для улучшения военного устройства, разделив пелопоннесцев на два класса, на обязанных военной службой и на облагаемых налогами в зависимости от того, к какому занятию люди имеют большую склонность. Не должно быть больше людей, которые в одно и то же время несли бы военную службу и облагались бы налогами. Ибо ты не можешь спасти самого себя и народ, не победив врагов. А победить врагов нельзя, не имея войска, не столько многочисленного, сколько благомыслящего и сознательного. Весьма трудно, чтобы войско, обязанное платить налоги, сохраняло бы благоразумие и сознательность, и поэтому на воинов, на которых лежат такие большие обязанности, трудно рассчитывать.

24. Ряды правителей нужно очистить от торгующих. Всем им нужно запретить заниматься как мелкой, так и крупной торговлей, чтобы они могли целиком посвятить себя работе по управлению, возложить на них обязанности по охране общей безопасности. Они не должны заниматься подсобными делами, причем преступными делами, вредить трудящемуся населению, сколько они смогут. Если же отдельные лица из торговцев будут привлечены в число правителей, то, если они окажутся способными, они должны либо отказаться от торговли, либо быть освобожденными от обязанностей государственной службы. Нельзя не провести такого разделения, нельзя смешивать торговцев с правителями, воинов с илотами, возлагать на илотов обязанности охраны. Это было бы самое плохое государственное устройство, при котором нельзя было бы совершить ничего великого и прекрасного. Ведь мы не пользуемся ослами для работы, исполняемой благородными конями, как и благородными конями для работы ослов. Я думаю, что и не всеми лошадьми мы пользуемся для одной и той же цели, но некоторыми пользуемся для военных целей, некоторыми же для перевозки тяжестей. Гораздо важнее и среди людей произвести подобное разделение, а не смешивать их.

25. Вместо многочисленных налогов, собираемых понемногу и часто неправильно, нужно установить один, который, как я говорил, является самым справедливым и состоит во взносе третьей части производимых продуктов. Этот налог является самым удобным для облагаемых и наиболее выгодным для государства. Из-за этого налога никто не будет покидать свою страну и никто не будет подвергаться несправедливостям со стороны сборщиков, которым выгодно, чтобы благосостояние облагаемых улучшалось, так как и им больше будет обеспечена следуемая им часть налогов. Из числа илотов ты можешь взять столько, сколько тебе потребуется для обслуживания твоего домашнего хозяйства, остальных же оставить для правителей и военачальников в количестве, какое ты сам установишь. Каждого из них нужно заставить в соответствии с предоставленным ему количеством илотов содержать и определенное количество слуг, которые несли бы военные обязанности. Ибо не подобает, чтобы они утопали в роскоши за счет государственного имущества, делая то, чего только ждут враги, т. е. расточая средства, необходимые для укрепления общей безопасности. Это может обеспечить также и то, что может потребоваться для пропитания и расходов для тебя и других. Все доходы должны быть обращены на снабжение армии, а наряду с этим и на обеспечение потребностей императора, военачальников и всех правителей. Те, кто расточают средства, необходимые для войны, теряют собственное достоинство, становясь людьми, которые весьма почитаются врагами и делаются опасными для сограждан.

26. Обрати внимание на примеры из природы. Орел называется царственной птицей, издавна посвященной Зевсу. Он вовсе не имеет пестрой окраски и не блистает золотыми перьями. Павлин же, пестрый и украшенный золотом, но менее всего царственен по природе. Имеется много других птиц хуже павлина, которые пестро расцвечены. Поэтому нужно опасаться, что если кто-нибудь появляется в пестром и расшитом золотом платье, то он, подобно павлину, считает достойной лишь внешнюю красоту. Сообрази же теперь, кто является более достойным или приятным: тот, чьи стремления направлены на то, чтобы обеспечить в войне безопасность страны, причем он довольствуется скромным платьем и вообще умеренным образом жизни, так что его уважают даже враги и он может быть хорошим советником высшей власти, или же тот, кто, разодевшись в шитое золотом платье, дрожит и боится врагов? Если вы были бы пастухами, как использовали бы вы молоко? Пользовались ли бы вы умеренной частью для себя, а другой для кормления сильных собак, которые охраняли бы стадо от нападения диких зверей, чтобы ваше стадо сохранялось для вас, чтобы вы продолжали быть пастухами и долго пользовались бы плодами своих трудов? Или же вы предпочли бы без всякой меры глотать молоко, обливая им свои платья, а вместо сильных собак кормить маленьких собачек, лисиц или даже медведей, самых прожорливых из животных и никуда не годных для охраны? Этими, а также и другими, нападшими извне, ваше стадо очень скоро было бы растерзано и погибло бы. Очень похожим мне кажется также, если бы вы хотели кормить людей, которые пристают к вам с лестью и хитростью, или таких, которые могли бы проглотить все за один раз и вследствие своей жадности не могут себя обуздать.

27. Если ты хочешь делать то, что является справедливым и самым полезным как для тебя самого, так и для остального народа и что доставляет настоящее и чистое удовольствие благородному и хорошему

человеку, то употреби на это все свое старание. Не отступай от этой цели и не обращай внимания, если кто-нибудь из прежних императоров или правителей или даже если ты сам прежде установил иначе, или если твои действия кому-нибудь и не доставят удовольствия. Ты должен испробовать все, не боясь ничего, что может принести пользу. Ты ведь знаешь, что ради спасения всего тела режут и жгут, отсекают руки и ноги. Поэтому и ты должен делать все, что пожелаешь, что тебе покажется нужным для спасения всего государства, а в отношении остального испросить согласия твоего святейшего отца — императора. И если он увидит твое стремление, целиком направленное к этим целям, то он легко согласится с твоими просьбами и священными пожеланиями. Если же ты проведешь в жизнь самое главное, что относится к спасению, то не трудно будет выполнить и остальное, что будет способствовать благоустройству государства. Таким образом, вследствие всех этих мер образуется самое благоустроенное государство. Подумай, что чем большую честь мы готовы тебе воздать, тем больший получится вред, если случатся какие-нибудь несчастья. Именно тебе подобает думать об общем благе и заботиться о нем без всякого промедления. Не годится медлить, когда опасность близка, и не хорошо делать какие бы то ни было отсрочки. Ибо правильно сказал Гесиод:

„Ибо медлительный муж никогда не поборет несчастья“.
